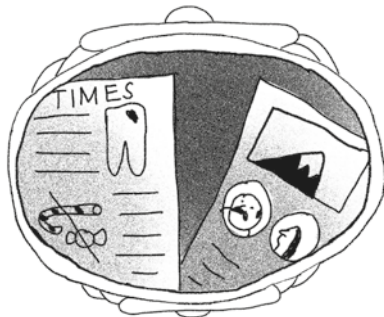

Глава 1

Первая полоса «Нью-Йорк таймс», четверг, июнь:
БОЛЬШИНСТВО В КОНГРЕССЕ ГОЛОСУЕТ ЗА ЗАПРЕТ
СЛАДОСТЕЙ РАДИ ЗДОРОВЬЯ ЗУБОВ

В тот же день в цюрихской газете:
АМЕРИКАНСКАЯ ПАРА, ЗАМЁРЗШАЯ В ШВЕЙЦАР-
СКИХ ГОРАХ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, ВНЕЗАПНО ОТ-
ТАЯЛА БЕЗ ВРЕДА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

Два этих события, как выяснилось позже, были связа-
ны. Это трудно объяснить*.

* Так что не удивляйтесь. Сначала всё будет запутанно. Но стоит по-
пробовать разобраться. Это не мистификация и не шутка. (Здесь и далее
все примечания, не обозначенные пометой, принадлежат автору.)

Глава 2

На одной из альпийских вершин в Швейцарии, не столь известной, как Маттерхорн или другие горы, чьи изображения красуются на открытках, странная бугристая ледяная глыба начала едва заметно двигаться, и сверкающая снежная шапка постепенно съехала с неё набок.

Несколько дней стояла солнечная и тёплая погода. Точнее, недель... Или даже месяцев. По всей земле начали таять ледники, плавать айсберги. И на этой альпийской вершине, круглый год неизменно белой на протяжении миллиардов лет, вдруг из-под снега показались камни, глянцевые от бегущей повсюду талой воды. Тут и там зеленела трава, а порой и цветок выглядывал.

А теперь вот движущаяся глыба.

Затем рядом с первой движущейся глыбой зашевелилась вторая. Ёрзали они, ёрзали, и вдруг — вот поразительно! — из первой высунулась ладонь. А потом и вся рука целиком. За ней вторая.

Первая глыба села и обеими руками начала скидывать снег и утирать с лица талую воду. Это было свежерозмороженное лицо мужчины с хмурым взглядом. Он огляделся, заметил рядом вторую глыбу и потянулся, чтобы ткнуть её в бок. И ещё ткнул, и ещё. Наконец и вторая глыба села, тоже хмурая-прехмурая. Вторая оказалась женщиной (хотя угадать пол глыбы непросто).

— Могу поклясться, что на голове у меня чёрт-те что, — проворчала вторая.

Но первая глыба не обратила на это внимания. Мужчина разминал окаменевшие пальцы, похлопывал себя, сбивая остатки льда. Потом потянулся к бедру и вынул из кармана мокрый бумажник.

— Так я и знал! — простонал он, раскрывая кожаный клапан. — Деньги пропали! Отсырели. Растворились почти. И слиплись.

— Наши доллары?

— Нет, эти идиотские швейцарские франки, которые нас заставили наменять. Из чего их только делают. Американские доллары так не размякли бы.

— Ну хотя бы еды на них можно будет купить? Я проголодалась.

— Разумеется, их примут, какая им разница, лишь бы обогреть туристов.

Женщина со стоном поднялась на ноги, потом встала на колени.

— Где моя сумочка? Не вижу сумочки. — Она шарила в снегу, стоя на карачках. — А, вижу! Вот она! Фу-у-у, насквозь мокрая!

— Брось ты её. И встань с колен! А то ползаешь, как таракан. Пошли. Спустимся в деревню и перекусим, нормальной-то еды в этой проклятой богом дыре не найти. Потом сядем на первый же поезд.

Мужчина не без труда встал и запихнул бумажник обратно в карман.

Парочка, ворча и жалуясь, потопала вниз по оттаивающей горе мимо покатых альпийских лугов, усеянных коровами, к маленькой деревушке у подножия. Вдоль единственной главной улицы тянулись свежевыкрашенные дома, пестревшие ящиками с геранью и петуниями. Они нашли столик в маленькой кофейне и охотно съели тушёной говядины, выпив по три бокала хорошего вина. Однако, когда им принесли счёт, возникло затруднение.

— Простите, — сказал официант, с испугом взглянув на слипшуюся массу швейцарских франков, предложенных мужчиной в качестве оплаты. — Мы не принимаем мохрые деньги. Но...

— *Мохрые?* Боже правый, парень, ты что, даже слово «мокрые» не можешь выговорить?

— Мои извинения, сэ. Я буду стараться. Мохрые — ещё бы ничего. Но не слипшиися.

— Расплатись с ними картой, дорогой, — посоветовала женщина.

С громким вздохом мужчина выковырял платиновую кредитку из пропитанного сыростью бумажника.

— Простите, мистер... — Официант повнимательнее взгляделся в карту. — А, мистер Виллоби. Но срок действия вашей карты истёк много лет назад.

— Я Уиллоуби, идиот! Почему вы, дураки, не можете говорить как все нормальные люди?

— Мне исхренне жаль, сэ. Был бы рад, но — увы, — проговорил официант, закатив глаза, что означало, что ничего ему не жаль.

К ним вышел хозяин, он вежливо улыбался.

— Какие-то проблемы? — спросил он. Потом более внимательно оглядел дурно воспитанную парочку. — О-о. Вижу, вы разморозились. Ещё не просохли.

— *Разморозились?* — заорал мистер Уиллоуби. — Что вы, чёрт подери, хотите ска...

— Вы были заморожены, — пояснил хозяин и пригляделся к дате выпуска кредитной карты. — А теперь оттаяли. Это со многими альпинистами случилось.

— И со многими хозлами, — добавил официант. — Из-за хлимата.

— Хли... Климата? А с ним что не так?

— Хлобальное потепление, сэр.

Миссис Уиллоуби вздохнула:

— Вот, Генри, а ты мне не верил. Ты только погляди на меня, а! — Она почесала голову. — Моя причёска безнадежно устарела. Отвези меня домой, сейчас же.

— Принесите мне телефон, — потребовал мистер Уиллоуби.

— Да, конечно. — Хозяин кивнул официанту, и тот поспешил на поиски телефона. — Вы должны позвонить семье.

— Семье? — спросил мистер Уиллоуби с явным испугом.

Его жена издала стон:

— О боже, у нас же эти ужасные дети. Мы знаем их номер телефона, Генри? Знаем хотя бы, где они живут?

Её муж пожал плечами:

— Я забыл. Но плевать. Мы же няню наняли, помнишь?

— Ах да. Няню.

— Да и вообще, нам до них нет дела. Позвоню в банк, — буркнул её муж.

Хозяин кофейни вежливо улыбнулся.

— Да уж, будьте любезны, позвоните. Вы нам должны за обед сто двенадцать швейцарских франхов. Надеюсь, мясо вам понравилось? И могу ли я предложить вам ещё вина?